

Часть четвёртая. Победа (1146-1187).

*О, Аллах, дай победу исламу, а не Махмуду!
Кто он такой этот пёс Махмуд, чтобы заслуживать победу?*

Нуреддин Махмуд, политический деятель,
объединивший арабский Восток (1117-1174).

Глава десятая. Слезы Саладина.

Ты зашёл слишком далеко, Юсуф; ты перешёл всякие границы. Ты всего лишь слуга Нуреддина, но теперь ты хочешь захватить власть для себя одного? Но не строй себе иллюзий, ибо мы, поднявшие тебя из небытия, сумеем вернуть тебя обратно!

Несколькими годами позже это предостережение, присланное Саладину знатными людьми

Алеппо, показалось бы абсурдным. Но в 1174 году, когда правитель Каира начинал становиться главной фигурой арабского Востока, его достоинства были очевидны ещё не всем. В окружении Нуреддина как при его жизни, так и после его смерти, имя Юсуф не произносили. Чтобы обозначить его, использовали слова "выскачка", "неблагодарный", "изменник", или чаще всего "наглец".

Сам Саладин вообще то быть наглым не стремился, но его фортуна была таковой несомненно. Именно это и бесило его противников. Ведь этот тридцатилетний курдский военачальник никогда не был амбициозным человеком, и те, кто видел, как он начинал, знали, что он бы легко удовольствовался обычным званием эмира, одного из многих себе подобных, если бы судьба против воли не выдвинула его на авансцену.

Вопреки своему желанию он отправился в Египет, где его роль в завоевании была сведена до минимума, однако именно по причине своей малозначительности он был вознесён на вершину власти. Он не осмеливался думать об устранении Фатимидов, но когда он был принужден принять подобное решение, он оказался преемником самой богатой мусульманской династии. И когда Нуреддин решил занять его место, Юсуфу даже не пришлось защищаться: его повелитель внезапно скончался, оставив наследником отрока одиннадцати лет, ас-Салеха.

Меньше чем через два месяца, 11 июля 1174 года, в свою очередь со сцены ушёл Амори, ставший жертвой дизентерии в момент подготовки нового вторжения в Египет при поддержке сильного сицилианского флота. Он завещал королевство Иерусалим своему сыну Бодуэну IV, юноше тринадцати лет, на которого пало самое ужасное проклятие - проказа. На Востоке оставался только один монарх, который мог помешать неудержимому возвышению Саладина. Им был Мануил, император Рума, который реально рассчитывал стать сюзереном Сирии и хотел захватить Египет при сотрудничестве франков. Но словно завершая цепь благоприятных для Саладина событий, могучая византийская армия, сковывавшая Нуреддина на протяжении пятнадцати лет, была разбита в сентябре 1176 года Кылыч-Арсланом II, внуком первого, в битве у Мириокефалона. Мануил умер вскоре после этого, что привело христианский Восток к анархии.

Можно ли после этого сердиться на панегиристов Саладина, видевших в такой серии непредвиденных событий руку Провидения? Сам Юсуф никогда не пытался приписать себе заслуги своей судьбы. Он никогда не забывал благодарить после Аллаха тех, кого он называл "мой дядя Ширкух" и "мой повелитель Нуреддин". Несомненно, что величие

Саладина было помимо прочего основано и на его скромности.

Однажды, когда Салахеддин устал и хотел отдохнуть, к нему пришёл один из его мамлюков и представил ему бумагу на подпись. "Я измучен, - сказал султан, - приходи через час". Но человек настаивал. Он чуть ли не совал лист бумаги в лицо Салахеддину и говорил ему: "Пусть господин подпишет!" Султан ответил: "Но у меня даже нет под рукой чернильницы!" Он сидел у входа в шатёр, и мамлюк заметил, что внутри была чернильница. "Вот она, чернильница, в глубине шатра", - сказал он резко, как бы указывая Салахеддину пойти и самому взять чернильницу, ни больше, ни меньше. Султан обернулся, увидел чернильницу и сказал: "Слава Аллаху, это так!" Он потянулся назад, опираясь на левую руку, и правой взял чернильницу. Потом он подписал бумагу.

Этот случай, рассказанный Бахаеддином, личным секретарём и биографом Саладина, иллюстрирует то удивительное поведение, которое отличало его от монархов его времени и вообще всех эпох: это умение оставаться простым в общении с простыми людьми, даже став сильнейшим среди сильных. Хронисты, конечно, указывают на его храбрость, его мудрость и рвение в том, что касалось джихада, но во всех их рассказах постоянно проступает образ более эмоциональный и более человеческий.

Однажды, - рассказывает Бахаеддин, - когда мы были в открытом поле против франков, Салахеддин собрал вокруг себя близких людей. Он держал в руке письмо, которое собирался прочесть, и когда он хотел начать, то разрылся слезами. Видя его в этом состоянии, не могли удержаться от плача и мы, хотя не знали, о чём идёт речь. Наконец он сказал голосом, который заглушался рыданием: "Такиеддин, мой племянник, умер!" Он стал плакать горькими слезами, и мы тоже. Я пришёл в себя и сказал ему: "Давайте не будем забывать, какую мы начали войну и попросим у Аллаха прощения за то, что позволили себе эти слёзы". Салахеддин согласился со мной: "Да, - сказал он, - пусть Аллах простит меня! Пусть Аллах простит меня!" Он повторил это много раз и потом добавил: "Пусть никто не знает, что произошло!" Потом он велел принести розовой воды, чтобы умыть лицо.

Слёзы Саладина лились не только после смерти его родных.

Однажды, - вспоминает Бахаеддин, - когда я скакал рядом с султаном навстречу франкам, к нам подошёл войсковой разведчик с женщиной, которая плакала навзрыд и била себя в грудь. "Она ушла от франков, объяснил нам лазутчик, чтобы увидеть повелителя и мы привели её". Салахеддин велел своему переводчику расспросить её. Она сказала: "Мусульмане-грабители вчера ворвались в мою палатку и похитили мою маленькую дочь. Я плакала всю ночь, и тогда наш командир сказал мне: "Король мусульман милосерден; мы отпустим тебя к нему, и ты сможешь попросить у него свою дочь". И вот я пришла, и все мои надежды на тебя". Салахеддин растрогался и на глазах у него появились слёзы. Он послал кого-то на невольничий рынок, и меньше чем через час приехал всадник, вёзший за плечами ребёнка. Увидев это, мать бросилась на землю и измазала песком лицо, а все присутствовавшие плакали от волнения. Она посмотрела на небо и стала говорить что-то непонятное. Ей отдали дочь и проводили в лагерь франков.

Те, кто знал Саладина, мало останавливались на описании его физического облика - небольшого роста, хрупкого телосложения, с короткой и аккуратной бородой. Они предпочитали говорить о его лице, об этом задумчивом и немного меланхоличном лице, которое вдруг освещалось ободряющей улыбкой, располагавшей собеседника к доверию.

Он был всегда приветлив с гостями, настойчиво приглашал их отобедать, обращался с ними со всеми почестями, даже если это были неверные, и удовлетворял все их желания. Он не мог допустить, чтобы кто-то пришёл к нему и ушёл разочарованный, и некоторые люди не упускали случая воспользоваться этим. Однажды, во время перемирия с франками, один из "отпрысков", сеньор Антиохии, неожиданно появился перед шатром Саладина и попросил вернуть ему область, захваченную султаном четыре года назад. И тот отдал её!

Было замечено, что щедрость Саладина подчас граничила с легкомыслием.

Его казначеи, - сообщает нам Бахаеддин, - всегда втихомолку приберегали некоторую сумму денег на непредвиденный случай, поскольку они хорошо знали, что если владыка узнает о наличии этого резерва, то растратит его немедленно. Несмотря на все предосторожности после смерти султана в государственной казне осталась лишь одна слиток золота из Тира и сорок семь дирхемов денег.

Когда некоторые из помощников упрекали его за расточительность, Саладин отвечал им с непринуждённой улыбкой: "Есть люди, для которых деньги не важнее, чем песок". И в самом деле, он испытывал откровенное презрение к богатству и роскоши, и когда сказочные дворцы фатимидских калифов стали его собственностью, он разместил в них своих эмиров, а сам предпочёл жить в более скромной резиденции, предназначенной для визирей.

Это лишь одна из немногих черт, позволяющих находить сходство в образах Саладина и Нуреддина. Правда, противники Саладина видели в нём только слабого подражателя своему господину. В действительности же он умел быть в общении с другими, особенно со своими солдатами, гораздо более сердечным, чем его предшественник. И хотя он также неукоснительно соблюдал религиозные предписания, в нём не было лёгкого ханжества, характерного для некоторых сподвижников сына Зенги. Можно сказать, что Саладин вообще был больше требователен к себе, нежели к другим и, тем не менее, оказывался более беспощадным, чем его старший господин в отношении тех, кто оскорблял ислам, будь то "еретики" или некоторые франки.

Вне этих личностных различий Саладин, особенно в начале своей карьеры, находился под сильным влиянием внушительной фигуры Нуреддина. Он стремился показать себя его достойным наследником в непрерывном движении к тем целям, которые наметил Нуреддин: объединение арабского мира, мобилизация мусульман как моральная, с помощью мощного пропагандистского аппарата, так и военная, с целью отвоевания захваченных территорий и прежде всего Иерусалима.

Летом 1174 года, когда эмиры, собравшиеся в Дамаске вокруг молодого ас-Салеха, искали наилучшие средства для борьбы с Саладином, даже планируя союз с франками, правитель Каира адресовал им послание, являвшееся явным вызовом. В этом письме он сильно преуменьшил степень своего конфликта с Нуредином и не замедлил представить себя продолжателем дела своего предшественника и верным хранителем его наследия.

Если бы ваш покойный князь, - писал он, - обнаружил среди вас человека столь же достойного доверия, как я, разве он не предназначил бы ему правление Египтом, который является самым важным из его владений? Знайте, что если бы Нуреддин не умер так рано, он поручил бы именно мне воспитание своего сына и заботу о нём. Я ведь вижу, что вы ведёте себя так, будто вы одни служили моему господину и его сыну, и что вы хотите исключить меня из этого числа. Но я скоро приду. Я завершу, дабы почтить память моего господина, деяния, которые оставят след, и вы все будете наказаны за своё беспутство.

Трудно узнать здесь осторожного человека прежних лет; создаётся впечатление, что кончина властелина пробудила в нём давно сдерживаемую агрессивность. Действительно, обстоятельства были исключительными, поскольку это послание имело чёткую цель: это объявление войны, с которой Саладин начал завоевание мусульманской Сирии. В момент отправки своего письма в октябре 1174 года правитель Каира уже был на пути к Дамаску во главе семи тысяч всадников. Этого было мало, чтобы осадить сирийскую метрополию, но Юсуф всё хорошо рассчитал. Напуганные необычайно дерзким тоном его послания, ас-Салех и его соратники предпочли отступить в Алеппо. Пройдя без помех через территорию франков по дороге, которую отныне можно было бы именовать "тропой Ширкуха", Саладин в конце октября достиг Дамаска, где люди, преданные его семье, поспешили открыть ворота для его встречи.

Ободрённый этой победой, достигнутой без единого удара сабли, он продолжил свой марш-бросок. Оставив гарнизон Дамаска под началом одного из своих братьев, он направился в центральную Сирию, где овладел Хомсом и Хамой. На протяжении всей этой блестящей компании, как рассказывает нам Ибн аль-Асир, "Салахеддин создавал впечатление, что действует от имени князя ас-Салеха, сына Нуреддина. Он говорил, что его целью является защита страны от франков". Мосульский историк, преданный династии Зенги, относился к Саладину по меньшей мере подозрительно, обвиняя его в двуличии. И нельзя сказать, что он был совершенно неправ. Юсуф, не желая выступать в роли узурпатора, в самом деле представлял себя защитником интересов ас-Салеха. "Но этот юноша, говорил он, никоим образом не должен быть единоличным правителем. Ему нужен учитель, регент, и никто лучше меня не подходит для этой роли". При этом он посылал ас-Салеху письмо за письмом, убеждая его в своей преданности, велел молиться за него в мечетях Каира и Дамаска, а также чеканить монеты с его именем.

Но юный монарх оставался совершенно нечувствительным к таким политическим жестам. Когда Саладин в декабре 1174 года подверг осаде уже сам Алеппо, "дабы защитить князя ас-Салеха от пагубного влияния его советников", сын Нуреддина собрал людей города и обратился к ним с взволнованной речью: "Посмотрите на этого нечестного и неблагодарного человека, который хочет отобрать у меня мою страну, не боясь ни Аллаха, ни людей! Я - сирота, и я рассчитываю, что вы защитите меня из благодарности к памяти моего отца, которого вы так любили". Глубоко тронутые жители Алеппо решили сопротивляться "предателю" до конца. Юсуф, желавший избежать прямого конфликта с ас-Салехом, снял осаду. Вместо этого он решил провозгласить себя "царём Египта и Сирии", чтобы не зависеть больше ни от какого сюзерена. Хронисты пожаловали ему помимо прочих званий титул султана, но он сам никогда так себя не называл. Саладин ещё не раз возвращался к стенам Алеппо, но так и не решился на войну с сыном Нуреддина.

Пытаясь спастись от этой постоянной угрозы, советники ас-Салеха решили прибегнуть к услугам ассасинов. Они вступили в контакт с Рашидеддином Синаном, который обещал избавить их от Юсуфа. "Старец горы" не мог желать большего, чем предъявить свой счёт могильщику династии Фатимидов. Первое покушение имело место в начале 1175 года: ассасины проникли в лагерь Саладина и дошли до его шатра, но тут их заметил один эмир и преградил им путь. Он был тяжело ранен, но поднял тревогу. Подоспела стража, и после ожесточённой схватки ассасины были перебиты. Но не вышло сегодня - выйдет завтра. 22 мая 1176 года, когда Саладин проводил очередную кампанию в окрестностях Алеппо, один из ассасинов внезапно появился в его шатре и нанёс ему удар кинжалом в голову. К большому счастью, султан, бывший настороже после предыдущего покушения, для безопасности имел под головным убором кольчужную сетку. Тогда убийца попытался добраться до шеи своей жертвы, но и здесь клинок наткнулся на препятствие. Саладин носил длинную тунику из плотной ткани, её высокий воротник был также усилен кольчужной сеткой. Тут подоспел один из эмиров, схватил одной рукой кинжал, а другой рукой так ударил батини, что тот упал. Саладин не успел подняться, как подскочил второй убийца, а за ним и третий. Но уже прибежали стражники, и нападающие были убиты. Юсуф вышел из шатра растерянный, нетвёрдой походкой, не веря в то, что остался невредим.

Придя в себя, он решил атаковать ассасинов в их логове, в центральной Сирии, где Синан владел примерно дюжиной крепостей. Саладин подверг осаде самую грозную их них, Массиаф, стоявшую на вершине обрывистой горы. Но то, что произошло в этом краю ассасинов в августе 1176 года, вне сомнения навсегда останется тайной. Первая версия, принадлежащая Ибн аль-Асиру, утверждает, что Синан прислал письмо дяде Саладина по материнской линии; в этом письме он поклялся убить всех членов правящей семьи. Такая угроза со стороны секты, особенно после двух покушений на султана, не могла быть легко проигнорирована. После этого якобы и была прекращена осада Массиафа.

Но имеется вторая версия событий, исходящая от самих ассасинов. Она содержится в одном из редких сочинений, переживших секту, - в рассказе, написанном одним из адептов, неким Абу-Фиразом. Согласно этому рассказу, Синан, находившийся вне стен Массиафа во время осады крепости, прибыл и расположился вместе с двумя спутниками на вершине соседнего холма, дабы наблюдать за развёртыванием операции. Саладин приказал своим людям поймать их. Синан был окружён большим отрядом, но когда солдаты попытались приблизиться к нему, они были парализованы какой-то мистической силой. Рассказывали, будто "старец горы" велел им предупредить султана, что намерен встретиться с ним лично с глазу на глаз, и будто напуганные солдаты поспешили сообщить своему повелителю о том, что должно было произойти, и будто Саладин, не ждавший ничего хорошего, приказал рассыпать вокруг своего шатра известь и золу, чтобы было видно любой след, а с наступлением темноты поставил для охраны стражей с факелами. Но глубокой ночью он внезапно проснулся и на мгновение увидел неизвестного человека, который выскользнул из его шатра и который показался ему самим Синаном. Таинственный посетитель оставил у его ложа отравленную лепёшку и бумагу, на которой Саладин прочёл: "Ты в нашей власти". Тут Саладин закричал, и прибежавшие стражи стали клясться, что ничего не видели. На следующий день Саладин поспешил снять осаду и вернуться в Дамаск.

Этот рассказ вне сомнения содержит много вымысла, но факт тот, что Саладин совершенно внезапно решил полностью изменить свою политику в отношении ассасинов.

Несмотря на своё отвращение к еретикам любого рода, он больше никогда не пытался угрожать владениям батини. Напротив, он пытался теперь примириться с ними, лишая таким образом своих врагов, как мусульман, так и франков, их ценного помощника. В борьбе за контроль над Сирией султан решил выложить все свои козыри. На первый взгляд казалось, что он победил, овладев Дамаском, но конфликт затягивался. Военные кампании, которые ему приходилось вести против франкских государств, против Алеппо, против Мосула, где также правил потомок Зенги, и против других князей Джазиры и Малой Азии, были изнурительны, тем более, что ещё приходилось регулярно возвращаться в Каир, чтобы разбираться с интриганами и заговорщиками.

Ситуация начала проясняться только в конце 1181 года, когда ас-Салех неожиданно умер, видимо будучи отравлен, в возрасте восемнадцати лет. Ибн аль-Асир рассказывает о его последних минутах с волнением:

Когда его состояние ухудшилось, врачи посоветовали ему выпить немного вина. Он сказал им: "Я не сделаю этого, не узнав мнение знатока закона". К его постели пришёл один из самых уважаемых улемов и объяснил ему, что религия позволяет употреблять вино как лекарство. Ас-Салех ответил: "Неужели вы думаете, что если Аллах решил положить конец моей жизни, то он изменит своё мнение, увидев меня выпившим?" Религиозный деятель не нашёл, что сказать. "В таком случае, - заключил умирающий, - я не желаю предстать перед моим творцом, имея в желудке запрещённый продукт".

Через полтора года, 18 июня 1183 года, Саладин торжественно вступил в Алеппо. С этого момента Сирия и Египет стали не номинально, как во времена Нуреддина, а по-настоящему единым образованием под неоспоримой властью айюбидского правителя. Как ни странно, но возникновение этого могучего арабского государства, с каждым днём всё плотнее окружавшего владения франков, не заставило последних проявить большую солидарность. В то время как король Иерусалима, ужасно изуродованный проказой, горевал по поводу своего бессилия, два соперничающих клана вели борьбу за власть. Первый клан, склонный к миру с Саладином, возглавлялся Раймоном, графом Триполи. Второй клан, экстремистский, имел своим главным представителем Рено Шатильонского, бывшего князя Антиохии.

Очень тёмный брюнет, с носом похожим на клюв, бегло говоривший по-арабски и прилежно изучавший исламские тексты, Раймон вполне бы сошёл за какого-нибудь сирийского эмира, если бы огромный рост не выдавал его западное происхождение.

Среди франков того времени, - говорит нам Ибн аль-Асир, - не было человека более храброго и более мудрого, чем правитель Триполи Раймонд ибн Раймонд ас-Сенжли, потомок Святого Жюлья. Но он был очень амбициозен и пламенно желал стать королём. На некоторое время он обеспечил своё регентство, но вскоре был отстранён от него. При этом он был так озлоблен, что написал Салахеддину, перешёл на его сторону и попросил того помочь ему стать королём франков. Салахеддин обрадовался этому и поспешил освободить некоторое число рыцарей из Триполи, находившихся в мусульманском плену.

Саладин внимательно наблюдал за франкскими распрями. Когда в Иерусалиме, казалось, восторжествовало "восточное" течение, возглавляемое Раймоном, Саладин занял

примирительную позицию. В 1184 году Бодуэн IV достиг последней стадии проказы. Его ступни и голени стали дряблыми, а глаза обесцветились. Но он ещё был полон мужества и доброты и оказывал доверие графу Триполи, который стремился установить добрососедские отношения с Саладином. Андалузский путешественник Ибн Джубаир, посетивший в тот год Дамаск, оказался удивлён тем, что несмотря на войну, караваны свободно ходили из Каира в Дамаск и обратно через территорию франков. "Христиане, - констатировал он, - берут с мусульман пошлину, которая взимается без злоупотреблений. В свою очередь купцы-христиане платят пошлину за свои товары, когда пересекают земли мусульман. Между ними полное согласие, и справедливость в почете. Воины занимаются своей войной, но народ живёт мирно".

Саладин, отнюдь не спешивший положить конец этому сосуществованию, даже проявил готовность идти дальше по дороге мира. В марте 1185 года пораженный проказой король умер в возрасте двадцати четырёх лет, оставив на троне своего племянника Бодуэна V, ребёнка шести лет, регентом которого он назначил графа Триполи. Тот, понимая, что ему необходимо время для укрепления своей власти, поспешил направить в Дамаск послов с просьбой о перемирии. Саладин, вполне готовый к началу решительного сражения с иноземцами, показал, тем не менее, что не стремится к схватке любой ценой, и согласился заключить перемирие на четыре года.

Но когда через год, в августе 1186 года, король-ребёнок умер, роль регента оказалась излишней. "Мать маленького монарха, - объясняет Ибн аль-Асир, - увлеклась франком, недавно прибывшим с Запада, неким Ги. Она сделала его своим мужем и после смерти ребёнка надела на голову мужа корону. Она собрала патриарха, священников, монахов, госпитальеров, тамплиеров, баронов - объявила им, что передаёт власть Ги и велела им поклясться, что они будут повиноваться ему. Раймон отказался и предпочёл договориться с Саладином". Этот Ги и был тот самый король Ги де Лузиньян, человек совершенно безликий, лишённый всякой политической или военной компетенции, всегда готовый принять мнение своего последнего собеседника. Фактически он был не более чем марионеткой в руках "ястребов", вожаком которых являлся "бринс Арнат" (так искажено в арабских источниках *"Prince Renaud"* - И.Л.), Рено Шатильонский.

После своей кипрской авантюры и преступных деяний в Северной Сирии этот последний провёл четырнадцать лет в тюрьмах Алеппо, прежде чем его выпустил в 1175 году сын Нуреддина. Плен лишь усугубил его пороки. Ещё более фанатичный, более алчный и более кровожадный, чем прежде, Арнат один породил больше ненависти между арабами и франками, чем десятилетия войн и убийств. После освобождения ему не удалось вернуть себе Антиохию, где правил его зять Боэмунд III. Он обосновался в королевстве Иерусалим, где сумел жениться на молодой вдове, принёсшей ему в приданое земли к востоку от Иордана и, прежде всего, могучие крепости Крак и Шаубак. В союзе с тамплиерами и многочисленными новопривывшими рыцарями, он имел при иерусалимском дворе мощное влияние, которое в течение некоторого времени уравнивал только Раймон. Политика, которую предлагал Рено, была политикой первого франкского вторжения: безостановочная война с арабами, беспощадный грабёж и убийство, завоевание новых территорий. Для него всякое примирение, всякий компромисс был изменой. Он не считал для себя необходимым соблюдать договора и клятвы. Чего стоит обещание, данное неверным? - говорил он цинично.

В 1180 году между Дамаском и Иерусалимом было подписано соглашение о свободном передвижении в этом районе имущества и людей. Через несколько месяцев Рено напал на

караван богатых арабских купцов, шедший через сирийскую пустыню в Мекку, и завладел товарами. Саладин пожаловался Бодуэну IV, но последний не осмелился выступить против своего вассала. Осенью 1182 года случилось нечто ещё более худшее: Арнат решил совершить рейд на саму Мекку. Высадившись в Эйлате, тогда маленькой рыболовной гавани, расположенной в заливе Акаба, экспедиция, имевшая в проводниках нескольких пиратов Красного моря, прошла вдоль берега и атаковала Янбу, порт около Медины, а затем Рабиг, неподалёку от Мекки. По дороге люди Рено потопили судно с мусульманскими паломниками, шедшее в Джидду. *"Все были ошеломлены, - говорит Ибн аль-Асир, - поскольку люди этой области никогда прежде не видели ни одного франка - ни купца, ни воина"*. Опьянённые успехом, грабители, не теряя времени, наполняли свои суда добычей. В то время как сам Рено вернулся по воде в свои земли, его люди продолжали ещё долгие месяцы бороздить просторы Красного моря. Брат Саладина, аль-Адель, правивший Египтом в его отсутствие, снарядил флот и отправил его преследовать разбойников, которые были уничтожены. Некоторые из них были сопровождены в Мекку для публичного обезглавливания. *"Это была показательная казнь тех, кто посягнул на святые места"*. Весть об этом безумном деянии, разумеется, разошлась по всему мусульманскому миру, в котором Арнат отныне олицетворял всё самое гнусное, что можно было ожидать от франкских врагов.

Саладин в ответ совершил несколько рейдов по землям Рено. Но, несмотря на свою ярость, султан сумел остаться великодушным. Например, в ноябре 1183 года, когда он установил катапульты вокруг крепости Крак и стал бомбардировать её обломками скал, защитники сообщили ему, что в это время внутри крепости проходила княжеская свадьба. И хотя новобрачной была невестка Рено, Саладин попросил осаждённых указать ему дом, предназначенный для молодых супругов, и велел своим людям пощадить этот сектор.

Но, увы, подобные жесты никак не могли повлиять на Арната. Временно нейтрализованный мудрым Раймоном, он, по воцелствованию на престол короля Ги в сентябре 1186 года вновь мог править балом. Уже через несколько недель, невзирая на перемирие, которое могло бы продолжаться ещё два с половиной года, князь, как хищная птица, набросился на крупный караван арабских паломников и купцов, спокойно шедший по дороге в Мекку. Рено перебил всех вооружённых людей, а остальных увёл в плен в Крак.

Когда некоторые из них осмелились напомнить Рено о перемирии, он ответил им презрительно: "Так пусть ваш Магомет придёт и освободит вас!" Когда несколькими неделями позже эти слова были переданы Саладину, он поклялся убить Арната собственными руками.

Но пока что султан сделал паузу. Он послал эмиров к Рено с требованием освободить пленников и на основании договора возместить им ущерб. После того как князь отказался принять послов, те направились в Иерусалим, где с ними встретился король Ги, который был шокирован неблагоприятными поступками своего вассала, но не осмелился вступить с ним в конфликт. Послы настаивали: неужели заложники князя Арната будут гнить в подземельях Крака вопреки всем договорам и всем клятвам? Бессильный Ги умыл руки. Перемирие было прервано. Саладин, хотя и был готов соблюдать договор в течение всего срока, нисколько не опасался возобновления боевых действий. Разослав депеши эмирам Египта, Сирии, Джазиры и других мест с извещением о предательском глумлении франков над их обязательствами, он призвал союзников и вассалов объединить все силы, которыми они располагали, и принять участие в джихаде против захватчиков. Из всех стран ислама в Дамаск потекли тысячи всадников и пеших солдат. Город стал чем-то вроде корабля,

сидящего на мели посреди моря колеблемых ветром шатров: маленьких палаток из верблюжьей шерсти, в которых солдаты прятались от ветра и дождя, и обширных княжеских шатров из богато расцвеченных тканей, украшенных старательно вышитыми стихами Корана и поэтическими строками.

Пока продолжалась эта мобилизация, франки погрязали в своих внутренних распрях. Король Ги счёл этот момент особо благоприятным для того, чтобы избавиться от своего соперника Раймона, которого он обвинил в потворстве мусульманам. Армия Иерусалима приготовилась к нападению на Тибериаду, маленький город в Галилее, принадлежавшей жене графа Триполи. Последний, будучи предупреждён, отправился на встречу с Саладином и предложил ему союз, который султан тотчас же принял и послал отряд своих войск, чтобы укрепить гарнизон Тибериады. Армия Иерусалима отступила.

30 апреля 1187 года, когда в Дамаск волна за волной продолжали прибывать арабские, тюркские и курдские воины, Саладин отправил в Тибериаду послание, в котором просил Раймона в подтверждение их союза позволить разведывательному отряду мусульман осуществить рекогносцировку берега Галилейского озера. Граф был смущён, но отказать не мог. Его единственное условие состояло в том, чтобы мусульманские солдаты покинули его территорию до вечера и чтобы им не было разрешено нападать на его подданных и их имущество. Дабы избежать любых инцидентов, он известил все населённые пункты в округе о прохождении мусульманских отрядов и попросил жителей не покидать дома.

На следующий день, в пятницу 1 мая, на рассвете семь тысяч всадников под командованием одного из соратников Саладина прошли под стенами Тибериады. В тот же вечер, возвращаясь тем же путём обратно, они неукоснительно соблюдали требование графа: не нападали ни на деревни, ни на замки, не отбирали ни золото, ни скот, и всё-таки не смогли избежать инцидента. Получилось так, что в одной из местных крепостей накануне, когда гонец Раймона прибыл с извещением о приходе мусульманского отряда, случайно оказались вместе два великих магистра тамплиеров и госпитальеров. Кровь монахов-воинов разыгралась. Для них пакт с сарацинами не существовал! Поспешно собрав несколько сотен всадников и пехотинцев, они решили атаковать мусульманскую конницу около городка Саффурия, к северу от Назарета. Франки были уничтожены за несколько минут. Ускользнуть удалось только великому магистру тамплиеров.

Устрашённые этим разгромом, - сообщает Ибн аль-Асир, - франки послали к Раймону своего патриарха, своих священников и монахов, а также много рыцарей. Все они горько упрекали Раймона за его союз с Салахедином. Они говорили ему: "Ты, верно, принял ислам, иначе бы ты не смог вынести того, что случилось. Ты бы не допустил, чтобы мусульмане прошли по твоей земле, чтобы они перебили тамплиеров и госпитальеров и чтобы они ушли, уводя пленников, не опасаясь, что ты им помешаешь". Собственные солдаты графа из Триполи и Тибериады бросали ему те же упреки, а патриарх грозил отлучить его от церкви и аннулировать его брак... Испытывая это давление, Раймон испугался. Он покался и попросил прощения. Его простили, помирились с ним и потребовали предоставить свои отряды в распоряжение короля и участвовать в сражении с мусульманами. И граф пошёл с ними. Тогда франки объединили свои силы, кавалерию и пехоту около Акры и потом направились к посёлку Саффурия.

В лагере мусульман разгром военно-религиозных орденов, которых одновременно и страшились и ненавидели, создал предвкушение победы. Теперь эмиры и солдаты

спешили скрестить оружие с франками. В июне Саладин собрал все свои войска на полпути между Дамаском и Тибериадой: двенадцать тысяч всадников прошли перед ним, не считая пехотинцев и добровольцев. Сидя на своём боевом коне, султан выкрикнул клич, тотчас же повторённый как эхо тысячами восторженных голосов: "Победа над врагами Аллаха!" Вместе со своим командным составом Саладин хладнокровно проанализировал ситуацию: "Нам открывается случай, который может никогда больше не представиться. По моему мнению, армия мусульман должна сразиться с неверными в тесном бою. Нужно решительно вести джихад, пока наши отряды не рассеялись". Главное, чего хотел избежать султан, это чтобы его вассалы и союзники не разошлись со своими отрядами по домам ввиду осеннего окончания военных действий, до того как он сможет одержать решающую победу. Но франки - очень осторожные воины. Что если они захотят избежать сражения, увидев, что мусульмане вновь объединились?

Саладин решил устроить им ловушку и просил Аллаха, чтобы они в неё попались. Он направился к Тибериаде, взял город за одни день, приказал поджечь много домов и приступил к осаде цитадели, где находилась графиня, супруга Раймона, с горсткой защитников.

Мусульманская армия могла бы легко сломить их сопротивление, но султан сдерживал своих людей. Он велел постепенно усиливать давление, делать вид, что идёт подготовка к последнему штурму и ждать ответных действий.

Когда франки узнали, что Салахеддин захватил и сжёг Тибериаду, - рассказывает Ибн аль-Асир, - они собрались на совет. Некоторые предлагали выступить против мусульман, сразиться с ними и помешать им овладеть цитаделью. Но вмешался Раймон: "Тибериада принадлежит мне, сказал он, и в осаде находится моя собственная жена. Но я готов допустить, что крепость будет взята и что моя жена попадёт в плен, если только наступление Саладина на этом остановится. Ибо, клянусь Богом, я видел прежде немало мусульманских армий, и ни одна из них не была столь многочисленной и столь сильной, как та, коей сегодня располагает Саладин. Так что лучше нам уклониться от схватки с ним. Мы всегда сможем потом снова забрать Тибериаду и заплатить выкуп за освобождение наших близких". Но князь Арнат, сеньор Крака, сказал ему: "Ты хочешь внушить нам страх, говоря о силе мусульман, потому что ты их любишь и предпочитаешь их дружбу, иначе бы ты не произносил таких слов. И если ты говоришь мне, что они многочисленны, я отвечаю тебе: огню всё равно, сколько дерева ему придётся сжечь". Тогда граф сказал: "Я - один из вас, я сделаю, как вы захотите, я буду сражаться на вашей стороне, но вы увидите, что из этого получится".

Так в очередной раз у франков возобладала крайняя тенденция. Теперь больше ничто не могло помешать сражению. Армия Саладина была развернута на плодородной равнине, покрытой фруктовыми деревьями. Позади простиралась пресная вода озера Тибериада, через которое проходит река Иордан, а ещё дальше к северо-востоку виднеются величественные контуры Голанских высот. Около мусульманского лагеря возвышался храм с двумя вершинами, которые называли "рогами Гиттина" по имени находившейся сбоку деревни.

3 июля франкская армия численностью около двенадцати тысяч отправилась в путь. Расстояние, которое ей предстояло пройти от Саффурии до Тибериады было невелика, самое большее четыре часа нормальным ходом. По крайней мере летом, эта часть

палестинской земли совершенно безводна. Здесь нет ни источников, ни колодцев, а водные потоки высыхают. Покидая ранним утром Саффурию, франки не сомневались, что смогут утолить жажду в полдень на берегу озера. Саладин тщательно готовил свою западню. На всем пути его всадники беспокоили врагов, нападали и спереди, и сзади, и с флангов, безостановочно засыпали их тучами стрел. Таким образом, они причинили чужеземцам некоторые потери и, что самое главное, заставили их замедлить движение.

Незадолго до окончания дня франки достигли высоты, с которой им открылся весь окрестный пейзаж. Прямо у их ног лежала маленькая деревня Гиттин, несколько домов цвета земли, тогда как в самой глубине долины блестели воды озера Тибераида. И совсем рядом на зелёной равнине, протянувшейся вдоль реки - армия Саладина. Чтобы напиться, им было нужно попросить разрешения у султана!

Саладин улыбался. Он знал, что франки изнурены, умирают от жажды, что у них нет ни сил, ни времени, чтобы проложить себе до вечера путь к озеру и потому они обречены оставаться без плотка воды до утра. Смогут ли они вообще сражаться в таких условиях?

Всю эту ночь Саладин уделил молитвам и совещаниям со своим штабом. При этом он послал большинство своих эмиров в тыл противнику, чтобы отрезать ему всякий путь к отступлению. Он убедился, что каждый занял правильную позицию и повторил свои указания.

На следующий день, 4 июля 1187 года, с первыми отблесками зари, совершенно окружённые и обессиленные жаждой франки сделали отчаянную попытку спуститься с холма и достигнуть озера. Их пехотинцы, ещё больше чем кавалерия изнурённые маршем накануне, едва несшие свои топоры и булавы, шли волна за волной, как будто слепые, на уничтожавшую их стену сабель и копий. Оставшиеся в живых в беспорядке отхлынули на холм, где они смешались с конными рыцарями, которые уже не сомневались в своём поражении. Их оборона была сломлена повсюду. И всё же они продолжали сражаться с мужеством отчаяния. Раймон с горсткой близких ему людей попытался пробить проход через боевые порядки мусульман. Соратники Саладина узнали его и позволили ему ускользнуть. Он продолжил своё бегство до Триполи.

После его ухода франки едва не сдались, - рассказывает Ибн аль-Асир. - Мусульмане подождли сухую траву и ветер понёс дым в глаза рыцарей. Обуреваемые жаждой, огнём, дымом, летним зноем и пылом битвы, франки были совершенно обессилены. Но они сказали себе, что умрут только в бою. Они бросались в столь яростные атаки, что мусульмане были вынуждены отступить. Но после каждой атаки франки несли потери, и их число уменьшалось. Мусульмане овладели Истинным Крестом. Для фраков это была самая тяжкая утрата, ибо на этом кресте, как они утверждали, был распят мессия, да снизойдёт на него мир!

По исламским представлениям, распятие Христа было только видимостью, ибо Бог слишком любил сына Марии и не мог допустить, чтобы к нему была применена столь отвратительная казнь.

Несмотря на эту утрату последние уцелевшие франки, около пятисот лучших рыцарей, продолжали отважно биться, укрепившись на возвышенности за Гиттином, где им удалось поставить шатры и организовать оборону. Но мусульмане наступали со всех сторон, и только шатёр короля продолжал стоять. Дальнейшее рассказано собственным сыном Саладина аль-Маликом-аль-Афдалом, которому тогда было семнадцать лет.

В битве при Гиттине, первой битве, в которой я участвовал, я находился рядом с моим отцом. Король франков, находившийся на холме, бросил своих людей в отчаянную атаку, которая заставила наши отряды откатиться до того места, где был мой отец. В этот момент я увидел короля. Он был жалкий, съёжившийся и нервно теребил свою бороду. Он шёл вперёд крича: "Сатана не должен победить!" Мусульмане снова пошли на штурм холма. Когда я увидел, что франки откатились под натиском наших войск, я радостно закричал: "Мы их побили!" Но франки снова атаковали, и наши опять оказались около моего отца. Он ещё раз послал их на приступ, и они заставили врага вернуться на холм. Я опять закричал: "Мы их побили!" Но отец повернулся ко мне и сказал: "Молчи! Мы разобьём их только тогда, когда упадёт этот шатёр наверху!" Не успел он закончить свою фразу, как шатёр короля рухнул. Тогда султан спешил, простёрся ниц и возблагодарил Аллаха, плача от радости.

Все вокруг кричали, ликуя. Султан поднялся, снова сел на коня и направился к шатру. К нему привели знатных пленников - короля Ги и князя Арната. При этом присутствовал писатель Имадеддин аль-Асфгани, советник султана.

Салахеддин, - рассказывает он, - предложил королю сесть рядом с ним и, когда следующим подошёл Арнат, он поставил его около короля и напомнил последнему о его злодеяниях: "Сколько раз ты клялся и нарушал свои обеты, сколько раз ты подписывал договора, которые не соблюдал!" Арнат ответил от его имени: "Все короли всегда так поступали. Я не делал ничего более". В это время Ги задыхался от жажды, он качал головой как пьяный, а его лицо выдавало большой страх. Салахеддин обратился к нему с одобряющими словами и велел принести холодной воды, которую он и предложил ему. Король напился и передал остаток Арнату, который также утолил жажду. Тогда султан сказал Ги: "Ты не попросил у меня разрешения, прежде чем дать ему напиток. Поэтому я не обязан проявить к нему милость".

Дело в том, что согласно обычаю арабов, пленник, которому дают воду и пищу, должен получить пощаду. Понятно, что Саладин не хотел брать на себя подобное обязательство в отношении человека, которого он поклялся убить собственными руками. Имадеддин продолжает:

Сказав эти слова, султан вышел, сел на коня и удалился, оставив пленников, терзаемых страхом. Он наблюдал за уходом войск и потом вернулся в свой шатёр. Там он велел привести Арната, подошёл к нему с саблей и ударил его между шеей и плечом. Когда Арнат упал на землю, ему отрубили голову и потом протащили труп за ноги перед королём, который начал дрожать. Видя его столь потрясённым, султан сказа ему, успокаивая: "Этот человек убит исключительно из-за его злодейства и вероломства!"

Действительно, короля и большую часть пленных пощадили, но тамплиеры и госпитальеры разделили участь Рено Шатильонского. Саладин, не дожидаясь конца этого памятного дня, собрал своих главных эмиров и поздравил их с победой, которая, сказал он, восстановила честь, слишком долго подвергавшуюся надругательствам захватчиков. Теперь, заключил он, у франков больше нет армии, и этим нужно незамедлительно

воспользоваться, чтобы вернуть земли, которые они несправедливо заняли. Поэтому на следующий день, в воскресенье, он атаковал цитадель Тибериады, где супруга Раймона уже знала, что сопротивляться больше незачем. Она доверилась Саладину, который, разумеется, позволил защитникам уйти со всем их имуществом целыми и невредимыми.

Во вторник следующей недели победоносная армия дошла до портового города Акра, который сдался без боя. Этот город в предшествующие годы приобрёл важное экономическое значение, поскольку именно через него проходила вся торговля с Западом.

Султан пробовал уговорить многочисленных итальянских купцов остаться, обещая им необходимую защиту. Но они предпочли отбыть в соседний прибрежный город Тир.

Всячески сожалея об этом, султан, однако, не противился этому. Он даже разрешил им увезти все свои богатства и предоставил им сопровождение для защиты от разбойников.

Посчитав, что ему нет смысла лично возглавлять столь сильную армию, султан поручил своим эмирам покончить с различными франкскими оплотами в Палестине. Одна за другой сдались колонии франков в Галилее и Самарии. Их сопротивление длилось от нескольких часов до нескольких дней. Так случилось, например, в Наблузе, Хайфе и Назарете, все жители которых ушли в Тир или Иерусалим. Единственная серьёзная схватка произошла в Яффе, где пришедшая из Египта армия под командованием аль-Аделя, брата Саладина, столкнулась с ожесточённым сопротивлением. Когда городом удалось овладеть, аль-Адель увёл всё население в рабство. Ибн аль-Асир рассказывает, что он сам купил на рынке Алеппо молодую франкскую пленницу, которую привезли из Яффы.

У неё был годовалый ребёнок. Однажды, когда она несла его на руках, он упал и расцарапал лицо. Она разразилась рыданиями. Я попытался утешить её, говоря, что рана не серьёзна и что не стоит плакать из-за такой мелочи. Она ответила мне: "Я плачу не из-за этого, а из-за несчастья, которое обрушилось на нас. У меня было шесть братьев, они все погибли. Что же касается моего мужа и моих сестёр, то я не знаю, что с ними стало". Из всех франков, живших на побережье, - уточняет арабский историк, - только люди из Яффы подверглись подобной участи.

Действительно, во всех других местах реконкиста проходила спокойно. После короткого пребывания в Акре, Саладин направился на север. Он подошёл к Тиру, но решил не задерживаться у могучих стен этого города и продолжил свой триумфальный марш вдоль побережья. 29 июля, после 77 лет оккупации, сдалась без сопротивления Сайда, за которой с интервалом в несколько дней последовали Бейрут и Джубейль. Теперь мусульманские войска были вблизи графства Триполи, но Саладин, полагавший, что с этой стороны ему больше опасаться нечего, повернул на юг, опять остановился перед Тиром и стал подумывать о его осаде.

Но после некоторого размышления, - говорит нам Бахаеддин, - султан отказался от этого намерения. Его отряды были рассеяны во многих местах, люди устали от этой слишком долгой кампании, а Тир был слишком хорошо защищён, поскольку тут собрались все франки побережья.

Наступит день, когда Саладин горько пожалеет об этом решении. Но пока что триумфальный марш продолжался. 4 сентября капитулировал Аскалон, а потом Газа,

принадлежавшая тамплиерам. Одновременно Саладин направил нескольких эмиров своей армии в окрестности Иерусалима, где они овладели несколькими населёнными пунктами, в числе коих был Вифлеем. Теперь султан хотел одного: увенчать свою победную кампанию, а также своё правление отвоеванием Святого Града.

Но мог ли он по примеру калифа Омара вступить в это почитаемое место без разрушения и без пролития крови? Он направил жителям Иерусалима послание, приглашая их начать переговоры о будущем города. Делегация знати прибыла в Аскалон для встречи с ним.

Предложения победителя были умеренными: город сдаётся ему без боя, жители, желающие выехать, смогут покинуть город со всем своим имуществом, культовые места христиан будут пользоваться уважением, и тем, кто захочет в будущем посетить их, не будут чиниться преграды. Но к удивлению султана, франки ответили на это с той же надменностью, что и во времена их могущества. Отдать Иерусалим, город, где умер Иисус? Об этом не может быть и речи! Город принадлежит им, и они будут защищать его до конца.

Поклявшись после этого, что он возьмёт Иерусалим только мечом, Саладин приказал своим войскам, разбросанным во всех концах Сирии, сосредоточиться вокруг Святого Града. Прибыли все эмиры. Какой же мусульманин не пожелает иметь право сказать своему Создателю в день Великого Суда: Я сражался за Иерусалим! Или ещё лучше: Я погиб мученической смертью за Иерусалим! Саладин, которому некий астролог предсказал, что он потеряет один глаз, если войдёт в Святой Град, ответил: "Чтобы овладеть им, я готов потерять оба глаза!"

В осаждённом городе оборону возглавил Балеан Ибелинский, правитель Рамлеха. "*Этот сеньор, по словам Ибн аль-Асира, имел у франков ранг почти равный королевскому*". Он покинул Гиттин незадолго до поражения и потом бежал в Тир. Его жена находилась в Иерусалиме, и летом он попросил у Саладина разрешение отправиться на её поиски, пообещав ехать без оружия и провести в Святом Граде не более одной ночи. Но по прибытии туда, его стали уговаривать остаться, поскольку никто другой не пользовался достаточным авторитетом для организации сопротивления. Балеан же, будучи человеком чести, не мог взять на себя оборону Иерусалима, ибо в этом случае он нарушал свой договор с султаном. Поэтому он лично встретился с Саладином, чтобы узнать, как ему поступить, и султан великодушно освободил его от данного обязательства. Если долг заставляет остаться его в Святом Граде и взять в руки оружие, пусть он делает это! И поскольку Балеан, слишком занятый организацией обороны Иерусалима, не имел возможности переправить свою жену в безопасное место, султан обеспечил эскорт для её препровождения в Тир!

Саладин ни в чём не отказывал человеку чести, даже если это был самый заклятый из его врагов. Правда, в данном конкретном случае риск был минимален. Несмотря на всё своё мужество, Балеан не мог всерьёз угрожать мусульманской армии. Хотя укрепления были мощными, и франкское население было готово защищать свою столицу, возможности осаждённых ограничивались горсткой рыцарей и несколькими сотнями горожан без всякого военного опыта. К тому же восточные христиане, православные и яковиты, жившие в Иерусалиме, симпатизировали Саладину. Особенно это касалось священников, над которыми постоянно издевались латинские прелаты; одним из главных советников султана был православный священник по имени Юсуф Батит. Именно он занимался контактами с франками, а также с восточно-христианскими общинами. Перед началом осады православные священники обещали Батиту открыть ворота города, если чужеземцы

будут упорствовать слишком долго.

На деле сопротивление франков было мужественным, но коротким и безнадёжным. Окружение Иерусалима началось 20 сентября. Через шесть дней Саладин, ставший лагерем на Оливковой горе, потребовал от своих войск усилить натиск и готовиться к последнему штурму. 29 сентября сапёрам удалось пробить брешь в крепостной стене, совсем рядом с тем местом, где проникли чужеземцы в июле 1099 года. Видя, что продолжать бой бесполезно, Балеан попросил пропустить его и предстал перед султаном. Саладин оказался неуступчивым. Разве он не предлагал жителям задолго до сражения наилучшие условия капитуляции? Теперь не время для переговоров, потому что он поклялся взять город мечом, как это сделали франки! Единственное, что могло ещё освободить его от этой клятвы - это если Иерусалим откроет ворота и сдастся ему немедленно без всяких условий.

Балеан настаивал на гарантии сохранения жизни, - рассказывает Ибн аль-Асир, - но Саладин не обещал ничего. Балеан старался смягчить его позицию, но всё было напрасно. Тогда он обратился к нему с такими словами: "О султан, да будет тебе известно, что в этом городе находится множество людей, число которых знает только Бог. Они не спешат участвовать в бою, ибо надеются, что ты сохранишь им жизнь, как ты это сделал для других; они любят жизнь и ненавидят смерть. Но если мы увидим, что смерть неизбежна, тогда, клянусь Богом, мы убьём наших детей и наших жён, мы сожжём всё, что имеем, мы не оставим вам в качестве добычи ни одного динара, ни одного дирхема, ни одного мужчины и ни одной женщины, которых вы бы смогли увести в рабство. В заключение мы разрушим святыню Гроба Господня, мечеть аль-Акса и другие места, мы убьём пять тысяч мусульманских узников, находящихся у нас в плену, и потом уничтожим всех верховых и вьючных животных. И, наконец, мы выйдем и будем сражаться с вами не на жизнь, а на смерть. Никто из нас не умрёт прежде, чем убьёт многих из вас".

Хотя на Саладина эти угрозы особого впечатления не произвели, он был тронут горячностью своего собеседника. Дабы не создать впечатление, что его можно легко переубедить, он повернулся к своим советникам и спросил у них, может ли он отказаться от клятвы взять город мечом, чтобы избежать разрушения исламских святынь. Их ответ был положительным, но зная неисправимое великодушие своего правителя, они настояли на получении от франков перед тем, как их отпустят, финансовой компенсации, поскольку долгая военная кампания совершенно опустошила государственную казну. Неверные, сказали советники, являются фактическими пленниками. Чтобы получить свободу, каждый человек заплатит выкуп: десять динаров за мужчину, пять за женщину и один за ребёнка. Балеан принял это условие, но решил защитить бедняков, которые, как он сказал, не могли заплатить такую сумму. Нельзя ли освободить семь тысяч этих людей за тридцать тысяч динаров? В очередной раз просьба была удовлетворена к ужасу казначеев. Балеан приказал своим людям сложить оружие.

В пятницу 2 октября 1187 года, на 27 день месяца раджаб 583 года хиджры, в день, когда мусульмане празднуют ночное путешествие Пророка в Иерусалим, Саладин торжественно вступил в Святой Град. Его эмиры и солдаты имели строгий приказ: ни один христианин, будь то франк или местный житель, не должен пострадать. Действительно, не было ни убийств, ни грабежа. Несколько фанатиков потребовали разрушить церковь Гроба Господня в качестве отпущения за злодеяния, совершённые франками, но Саладин

поставил их на место. Пусть франки совершают сюда паломничество, когда захотят. Разумеется, франкский крест, установленный над Храмом в скале, был снят; и мечеть аль-Акса, переделанная в церковь, опять стала местом поклонения для мусульман после того, как её стены были окроплены розовой водой.

Пока Саладин, окружённый толпой соратников, ходил от одной святыни к другой, плача, молясь и простираясь ниц, большинство франков оставалось в городе. Богатые занимались перед отъездом продажей своих домов, товаров и прочего имущества; покупателями в основном были православные христиане или яковиты, остающиеся в городе, кроме них имущество приобретали позднее еврейские семьи, поселённые в Святом Граде Саладином.

Балеан постарался, как мог, собрать деньги, необходимые для выкупа самых бедных. Выкуп сам по себе был не слишком высоким. Состояние князей как правило составляло несколько десятков тысяч динаров или даже сто и более тысяч. Но для простых людей даже двадцать динаров за семью представляли собой доход за весь год или за два. Тысячи несчастных собирались перед воротами города, чтобы вымолить несколько монет. Аль-Адель, который был не менее чувствителен, чем его брат, попросил разрешения отпустить без выкупа тысячу бедных пленников. Узнав об этом, франкский патриарх попросил ещё семьсот, а Балеан - пятьсот. Все они были выпущены. Потом, по собственной инициативе, султан объявил, что могут уйти все пожилые пленники, а также дал свободу отцам семей, оказавшихся в плену. Что же касается франкских вдов и сирот, то он не только освободил их без всякого платежа, но и одарил их перед тем как отпустить.

Казначей Саладина были в отчаянии. Если уж освобождать без компенсации осчастливленных бедняков, так хоть бы увеличить выкуп за богатых! Ярость этих верных слуг государства достигла апогея, когда патриарх Иерусалима выехал из города в сопровождении множества повозок, нагруженных золотом, коврами и всеми видами самого ценного имущества. Имадеддин аль-Асфгани, по его собственным словам, был возмущён этим.

Я сказал султану: "Этот патриарх везёт богатства, которые стоят не меньше двухсот тысяч динаров. Мы разрешили им увозить своё добро, но не сокровища церквей и монастырей. Их нельзя отдавать!" Но Саладин ответил: "Мы должны точно соблюдать подписанные нами соглашения, тогда никто не сможет обвинить правоверных в нарушении договоров. Напротив, христиане будут везде вспоминать о благодеяниях, которыми мы их осыпали".

Действительно, патриарх заплатил десять динаров, как все остальные и даже воспользовался сопровождением, чтобы добраться до Тира без всяких помех. Саладин завоевал Иерусалим вовсе не для того, чтобы собрать горы золота, и ещё меньше, чтобы осуществить месть. Он всегда стремился, по его словам, исполнить свой долг в отношении Аллаха и веры. Его победа имела целью освобождение Святого Града от ига захватчиков и при этом без кровопролития, без разрушения, без ненависти. Его счастье состояло в том, чтобы пасть на землю там, где без него не смог бы молиться ни один мусульманин. В пятницу 9 октября, через неделю после победы, в мечети аль-Акса была устроена официальная церемония. По этому памяtnому случаю многочисленные деятели религии оспаривали между собой честь произнести проповедь. В конце концов таковым стал кади Дамаска Мохаддин Ибн аль-Заки, преемник Абу-Саада аль-Харави. Именно ему султан дал право подняться на кафедру в драгоценном чёрном одеянии. Его голос был

чистым и сильным, но лёгкая дрожь выдавала его волнение: "Слава Аллаху, даровавшему исламу эту победу и вернувшему этот город в лоно веры после векового проклятия! Слава воинству, которое он избрал для этого завоевания! И слава тебе, Салахедину Юсуфу, сыну Айюба, вернувшему этому народу его поруганное достоинство!"

Примечания автора:

Письмо из Алеппо, как и большинство посланий Саладина, содержится в "*Livre des deux jardins*" ("*Книга двух садов*"), произведении дамаского хрониста Абу-Шама (1203-1267). Она является ценным сборником официальных документов, которые больше нигде нельзя найти.

Бахаеддин Ибн Шаддад (1145-1234) пришёл на службу к Саладину незадолго до битвы при Гиттине. Вплоть до смерти султана он был его доверенным лицом и советником. Его биография Саладина была недавно переиздана в оригинале и переводе в Бейруте и Париже (Méditerranée 1981).

Хорошие манеры во время свадьбы в Краке проявлял не только Саладин. Мать молодого мужа посылала осаждающим заботливо приготовленные блюда, чтобы они таким образом тоже могли поучаствовать в празднествах.

Свидетельство сына Саладина о битве при Гиттине цитируется Ибн аль-Асиром, том IX, 583 год хиджры.

Имадеддин аль-Асфагани (1125-1201) перед тем, как поступить на службу Саладину, был соратником Нуреддина. Он написал много исторических и литературных произведений, в частности ценную поэтическую антологию. Его чрезвычайно витиеватый стиль несколько снижает ценность его свидетельств о пережитых событиях. Его повествование о завоевании Сирии и Палестины Саладином ("*Conquête de la Syrie et de la Palestine par Saladin*") опубликовано Академией надписей и художественной литературы, Париж, 1972.